

Туралог

Когда я просыпался от тянущей боли в животе, то высовывал нос из-под одеяла и подтягивал колени к груди, где мое сердце стучало как боевой барабан. Комната находилась в глубокой тени, луна стояла высоко в небе, и я понимал, что в такой час Рекс ни за что не выпустит меня из постели. Я потихоньку вылезал головой вперед, со вздыбленными от статического электричества волосами, и смотрел вниз со своего насеста на втором этаже, но мое дыхание затуманивало оконное стекло и окутывало луну мгlistым ореолом. Громадные стога, обернутые в белый пластик, выстроились у дальней изгороди и служили фоном для трех или четырех лошадей в теплых пополах и нескольких оленей, тихо пасущихся в зарослях озимой ржи. Голубоватая луна освещала заднее крыльцо и амбар; пастбище как будто плавало в медленных волнах тумана. Даже тогда, если бы я мог оседлать этот туман и выехать из полей в осенней позолоте, то я бы пришпорил коня, вздернул удила и направил его прямо к солнцу, не оглядываясь назад.

Именно так я и спал — завернутый как луковое семечко, — потому что так он обращал на меня меньше внимания. Когда это происходило, вездеход обрушивалось на меня. Примерно через год, ког-

да мы обнаружили, что у меня есть брат, я самонадеянно подумал, что меня будут пороть вдвое меньше, поскольку у него будет новый объект для наказаний. Но на самом деле мои тяготы удвоились.

Я вытер нос рукавом байковой пижамы, распрямился и соскользнул с верхней койки, где луна озарила меня и отбросила мою тень на полу. Мою — и тень Питера Пэна. Мисс Элла понимала, что я расту, поэтому купила мне пижаму-комбинезон на несколько размеров больше. Кожаные подошвы тихо скребли и шуршали по полу, пока я на цыпочках крался к стулу, где лежал мой ремень с двумя кобурами. Затаив дыхание, я застегнул ремень на поясе, проверил патроны в шестизарядных револьверах, покрепче натянул ковбойскую шляпу и выглянул за дверь.

В углу, на расстоянии вытянутой руки стояла моя бейсбольная бита — двадцатидюймовый «Луисвилль Слаггер». Удары кремнистых обломков оставили на ручке многочисленные вмятины и заусенцы, сделал ее колючей и шершавой, но Мозес отшлифовал ручку и сделал ее достаточно тонкой для моей детской руки. Я ухватил битку обеими руками, выровнял костяшки пальцев и закинул ее на плечо. Я собирался пройти мимо двери Рекса, и мне было нужно иметь наготове любое оружие. Я никогда не знал, дома он или нет, но я не собирался рисковать. Если он здесь и если он хотя бы шевельнется, то я ударю ему битой по голени, выпалю из обоих стволов, а потом вырвусь на волю, как летучая мышь из подвала, пока он будет вопить «слова из третьей заповеди»¹.

---

¹ «Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно». — Исх. 20:2–17.

Последние несколько недель я ломал голову над несколькими вещами, которые как будто не имели никакого смысла. Почему у меня нет мамы? Почему отец никогда не приходит ко мне, а когда он появляется, то почему он постоянно кричит, пьет и ругается? Почему у меня от этого ноет в животе? Вот о чем я думал.

В комнате Рекса было тихо и темно, но это не обманывало меня. Грозовые облака бывают такими же темными, пока не грянет гром. Я опустился на четвереньки и пополз, упираясь локтями, как солдат под огнем, мимо распахнутого зева двери в комнату Рекса и быстро вперед, не мешкая и не заглядывая внутрь. Моя фланелевая пижама почти беззвучно скользила по натертому деревянному полу. Чаще всего, когда Рекс проводил несколько часов или даже дней за разглядыванием дна очередного стакана, он даже не всегда включал свет в комнате. Я мало что знал, но хорошо понимал, что темнота в комнате еще не означает отсутствия Рекса. Я снова пополз вперед. Мысль о нем, сидящем в кресле и наблюдающем за мной, а потом встающем и идущем ко мне... У меня участилось дыхание, на лбу выступили капельки пота, но за грохотом собственного сердца я не слышал ни храпа, ни криков.

Миновав дверной проем, я вытер пот со лба и подтянул ноги к себе. Когда я не услышал шагов и не ощутил, как тяжелая рука опускается мне на загривок и рывком вздергивает на ноги, то потянулся к лестничным перилам, закинул ногу наверх и съехал вниз на мраморную лестничную площадку первого этажа.

Когда я оглянулся через плечо, то не увидел Рекса, но все равно побежал. Если он был дома, ему

еще придется поймать меня. Я пробежал через библиотеку, курительную комнату и рабочий кабинет, потом через гостиную с таким большим камином, что внутри можно было спать, через кухню, где пахло жареной курицей и бисквитами, оттуда на заднее крыльцо, где пахло затхлой водой, по пастбищу, где пахло свежим конским навозом, — и наконец, к домику мисс Эллы, где пахло поцелуями и объятиями.

По словам мисс Эллы, мой отец поместил в местной газете объявление насчет «помощи по дому» уже через неделю после моего рождения. Тому было две причины: он был слишком гордым, чтобы нуждаться в помощи «няньки», и он отправил мою мать, работавшую по вечерам с бумагами в его офисе, искать работу где-нибудь еще. Не менее двадцати человек откликнулись на его объявление, но Рекс был придирчивым... что выглядело странно, с учетом его случайного выбора секретарш и младших сотрудниц. Как-то после завтрака мисс Элла Рейн, сорокапятiletняя бездетная вдова и единственная дочь сына бывшего раба из Алабамы, позвонила в его дверь. Звонок звенел целую минуту, и после соответствующей паузы — Рекс не хотел выглядеть слишком поспешным или нуждающимся в помощи — он открыл дверь и окинул ее долгим взглядом поверх очков для чтения. Рекс прекрасно мог читать и без них, но, как большинство вещей в своей жизни, он носил их для проформы, а не ради дела.

Сложив руки перед собой, она стояла в белой нейлоновой юбке, какие обычно носит домашняя прислуга, с гольфами до колен и в туфлях на низком каблуке с двойной шнуровкой. Ее волосы были собраны в узел и перехвачены несколькими заколками.

ми. Она не носила макияжа, и, если присмотреться внимательнее, можно было увидеть веснушки, рассыпанные по ее светло-коричневым щекам.

— Доброе утро, сэр, — сказала она и протянула свои рекомендации. — Меня зовут мисс Элла Рейн.

Рекс изучил потрепанные бумаги через очки, периодически поглядывая на нее. Она снова попробовала заговорить, но он поднял руку властным жестом и покачал головой, поэтому она снова сложила руки перед собой и стала молча ждать.

— Подождите здесь, — сказал он после трех или четырех минут чтения. Он закрыл дверь у нее перед носом, через минуту вернулся и впустил ее внутрь. Там он протянул ей меня на руках, словно маленького львенка¹, и сказал:

— Вот. Убирайтесь в этом доме и не спускайте с него глаз.

— Да, сэр, мистер Рекс.

Мисс Элла убаюкала меня, вошла в прихожую и огляделась вокруг. Это объясняет, почему я не мыслил себя без ее присутствия. Не той матери, которая выносила меня, а той, которую дал мне Бог.

Наверное, я никогда не пойму, почему она взялась за эту работу.

Мисс Элла окончила среднюю школу одной из лучших в своем классе, но вместо поступления

---

¹ Явная отсылка к Библии, где есть многократные упоминания о львах, обычно в ассоциации с Мессией. «Лев Давидов — помазанник, сохранный Всевышним» (3 Езд. 12:32); И один из старцев сказал мне: не плачь, вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил» (Отк. 5:5). — *Прим. пер.*

в колледж она надела передник и стала зарабатывать достаточно денег, чтобы оплачивать учебу в колледже для своего младшего брата Мозеса. Когда я вырос настолько, чтобы понимать смысл ее поступка, она невозмутимо сказала:

— Однажды он, а не я, будет обеспечивать семью.

Еще до конца первого месяца на службе у нас она перевезла свои вещи в коттедж для слуг, но по ночам большей частью спала на стуле в коридоре перед моей спальней на втором этаже.

Обеспечив меня всем, что он считал необходимым — пропитанием, одеждой и кровом над головой, — Рекс вернулся в Атланту, где возобновил свою жестокую и безостановочную погоню за долларами. Вскоре установился некий заведенный распорядок. Когда мне исполнилось три года, Рекс приезжал раз в неделю и оставался с четверга до воскресенья. Он проводил здесь достаточно времени, чтобы слуги продолжали бояться его, убеждался в моем детском румянце, седлал одного из своих чистокровных коней, а после верховой прогулки исчезал наверху с одной из своих ассистенток. Примерно раз в месяц он обхаживал своего очередного партнера по бизнесу, а потом они пропадали в баре до тех пор, пока он не получал свое. Для Рекса люди и партнеры были чем-то вроде трамваев: «Покатайся, пока не надоест, потом спрыгни с подножки. Следующий подойдет через пять минут».

Когда Рекс о чем-то говорил, когда находился дома, на его устах чаще всего бывали два слова. Первым было «Бог», а второе я пообещал никогда не повторять перед мисс Эллоу. В пять лет я еще не знал, что оно значит, но краска на его лице и слюна, собиравшаяся в уголках рта каждый раз, когда

он произносил это слово, указывали на что-то нехорошее.

— Мисс Элла, что оно значит? — спрашивал я, почесывая затылок.

Она вытирала руки о передник, снимала меня с табуретки и усаживала на столешницу. Прижималась лбом к моему лбу, клала указательный палец поперек моих губ и говорила:

— Ш-ш-ш!

— Но, мисс Элла, что оно значит?

Она качала головой и шептала:

— Так, это слово из третьей заповеди. Плохое, очень плохое слово. Самое плохое. Твой отец не должен его произносить.

— Почему же он его произносит?

— Взрослые иногда так говорят, когда они сердятся.

— А почему я никогда не слышал его от тебя?

— Так, — сказала она, протянув мне миску с курузным тестом и помогая размешать густую болтушку, — обещаю, что ты не будешь повторять это слово. Обещаешь?

— А что, если ты рассердишься и сама его скажешь?

— Этого не будет. А теперь... — она приковала меня взглядом, — ...ты обещаешь?

— Да, мэм.

— Скажи это.

— Я обещаю, мама Элла.

— И пусть он не слышит от тебя такие слова.

— Что?

— «Мама Элла». Тогда он точно уволит меня.

Я посмотрел туда, где обычно видел Рекса.

— Да, мэм.

— Хорошо. Тогда давай мешай дальше, — она указала в сторону, откуда доносились крики. — Лучше поторопиться. Похоже, он проголодался.

Как собаки, привыкшие к битью, мы были давно знакомы с тоном хозяйского голоса.

Я совершенно уверен, что в жизни мисс Эллы не было ни одного дня, когда бы она не посвящала себя работе. Много раз по вечерам я видел, как она упирается рукой в бок, горбит плечи, нагибается к Мозесу и говорит:

— Братец, мне бы сейчас прополоскать рот, полечить геморрой, пожевать кукурузы да положить голову на подушку.

Но это было только начало. Она надевала чепец, намазывалась лосьоном и опускалась на колени. Тогда ее день начинался по-настоящему, потому что, стоило ей завестись, она могла заниматься этим всю ночь.

Мысль о Рексе заставила меня оглянуться. Если Рекс находился дома и просто не добрался до своей комнаты наверху, то у него была возможность видеть парадную дверь мисс Эллы из любого окна в задней части дома. Поэтому я обошел вокруг ее домика, прячась в тени под свесом крыши. Я перевернул мусорное ведро, поставил его под окном, залез наверх и уперся подбородком в карниз, шурша подошвами по холодной кирпичной стенке.

Мисс Элла стояла на коленях возле своей кровати, как это часто бывало. Она склонила голову в купальной шапочке из желтого пластика, а ее скрещенные руки лежали на Библии, раскрытой перед ней на кровати. Независимо от обстоятельств, она соблюдала диету из Священного Писания, часто

и со знанием дела приводила цитаты из него. Мисс Элла редко произносила слова или фразы, которые уже не были бы написаны в Ветхом или в Новом Завете. Чем больше Рекс пил и ругался, тем больше мисс Элла читала и молилась. Однажды я видел ее Библию, и большая часть текста на открытой странице была подчеркнута. Тогда я не очень-то умел читать, но, оглядываясь назад, думаю, что это был Псалтирь. Мисс Элла находила утешение в псалмах, особенно в двадцать пятом псалме¹.

---

¹ Псалом Давида.

1 Рассуди меня, Господи, ибо я ходил в непорочности моей, и, уповая на Господа, не поколеблюсь.

2 Искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое,

3 ибо милость Твоя пред моими очами, и я ходил в истине Твоей,

4 не сидел я с людьми лживыми, и с коварными не пойду;

5 возненавидел я сборище злонамеренных, и с нечестивыми не сяду;

6 буду омыwać в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи,

7 чтобы возвещать гласом хвалы и поведать все чудеса Твои.

8 Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей.

9 Не погуби души моей с грешниками и жизни моей с кровожадными,

10 у которых в руках злодейство, и которых правая рука полна мздоимства.

11 А я хожу в моей непорочности; избавь меня, [Господи,] и помилуй меня.

12 Моя нога стоит на прямом *пути*; в собраниях благословлю Господа.